

**Смирнов М. Социология религии. Словарь. СПб.:
Издательство С.-Петербургского университета, 2011. — 411 с.**

В предисловии к Словарю автор предупреждает, что он «сознает несовершенство индивидуальных усилий и невозможность исчерпывающе раскрыть весь круг возникающих здесь общих и частных вопросов»; и затем он замечает со сдержанным оптимизмом, что, тем не менее, «при почти полном отсутствии в отечественной научной литературе опытов обобщающего описания истории социологии религии, теорий и исследований в этой области есть надежда, что проделанный труд окажется небесполезным для социологии религии в современной России» (с. 3–4).

Автор глубоко прав в этой самооценке. И главное здесь вот что: Словарь в том виде, в каком он составлен М. Смирновым не просто «небесполезен»; это неоспоримо *полезное* издание. Эпитет «полезное» в данном случае — наиболее точен: значение этой книги нельзя отрывать от контекста серьезного отставания, несмотря на все усилия последних десятилетий, российского знания в этой области от мирового исследова-

тельского опыта. Усилия российских социологов, о которых идет речь, включали довольно большое количество конкретных эмпирических исследований, многие из которых содержательны и результативны. То, чего, однако, явно не хватает большинству из них, так это связи конкретной эмпирики с теоретическим и концептуальным багажом — притом динамически развивающимся — накопленным на сегодняшний день в мировой социологии религии. Большинство авторов даже и не пытаются вставить свое исследование в общие референтные рамки, выработанные внутри дисциплины, предпочитая объяснять полученные данные по возможности строгим, но полупублицистическим языком. Дело здесь — именно в оторванности от развитой и сложной западной традиции, отсутствии постоянных контактов, недоступности текущей литературы, недостатке переводов ключевых теоретически-значимых работ, и так далее. Можно сказать, что труды отцов-основателей, М. Ве-

бера и Э. Дюркгейма, сейчас уже более или менее «переварены», и такие понятия как «харизма» или «профанное» выглядят вполне органично; но все то, что последовало за классиками, осмыслено фрагментарно и упрощенно, а многое просто неизвестно.

Были еще попытки цельного, концептуального изложения основ социологии религии: в 1990–2000-е гг. вышло несколько учебников (И. Н. Яблокова, В. И. Гараджи, В. И. Веремчука, О. Г. Филатовой)¹, в которых, в той или иной мере, транслируется мировой опыт дисциплины. Все эти издания, при всей важности их, лишь выборочно касаются всей сложной системы идей, концепций и методов, отдавая явное предпочтение некоторым и игнорируя другие; авторские подходы в них проглядывают с очевидностью. Это вполне естественно: надо сказать, что и на Западе многие учебники такого рода строятся, вполне объяснимо, на исследовательских предпочтениях и опыте авторов.²

1. Филатова О. Г. Социология религии. Конспект лекций. СПб: Изд-во Михайлова, 2000; Яблоков И. Н. Социология религии // Введение в общее религиоведение. Учебник. М.: Книжный Дом «Университет», 2001; Веремчук В. И. Социология религии. Учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2004; Гараджа В. И. Социология религии. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2005.

2. Например: Cipriani R. The Sociology of Religion: An Historical Introduction.

«Словарь» М. Смирнова стремится дать по возможности полную и объективную картину, приглушив собственные предпочтения автора (даже если они все же, разумеется, проглядывают и в отборе словарных статей, и в их изложении). И огромная польза от Словаря как раз и состоит в освещении широкого спектра фактов, концепций и споров, которые составляли столетнюю историю дисциплины — того материала, который выходит далеко за пределы изложенного в русских учебниках и который большей частью игнорируется в погруженную в самое себя русскую эмпирическую социологию. В тексте Словаря классики не подавляют авторов, условно говоря, «второго» и «третьего» ряда, которым тоже находится достойное место: не только Вебер и Парсонс, но и Роберт Белла, Питер Бергер, Родни Старк, а также и еще более современные нам Айлин Баркер, Грейс Дэйви, Хосе Казанова и многие другие, еще менее известные, но являющиеся частью сложного целого.

У автора есть, впрочем, и еще одна очевидная цель в этом Словаре: интеграция русских имен и достижений во всемирную историю

Aldine Transaction, 2000; Davie G. The Sociology of Religion. London: Sage, 2007; Christiano K. et al. Sociology of Religion: Contemporary Developments, 2nd Ed. London: Rowman & Littlefield Publishers, 2008, и другие.

дисциплины. М. Смирнов, опираясь на свой прошлый опыт исследования этого вопроса³, включает в Словарь российские имена, от А. Введенского и М. Ковалевского до Р. Лопаткина, В. Гараджи и других. Задача такой интеграции непростая и рискованная: скажем, Игорю Яблокову отведено столько же места, сколько Хосе Казанове⁴, а Дмитрию Угриновичу — примерно столько же, сколько Гаэтано Моске и Дэвиду Мартину. При всем патриотизме замысла и абсолютно оправданном стремлении осветить малоизвестные усилия соотечественников, такое вплетение рискует исказить баланс реального вклада в дисциплину. По-видимому, автор и сам признает, что осмысление религии как общественного феномена в России не привело к складыванию «ощутимой» школы или устоявшейся традиции. Единственным исключением можно считать господствовавшую в XX веке, в значительной степени навязанную государством марксистскую систему взглядов, потенциальные достоинства которой чаще всего отменялись откровенно редуционистскими ее интерпретациями. Социологически мыслящие российские религиоведы (употребим

такой эвфемизм в силу отсутствия собственно дисциплины) тем не менее, как показывает автор, добивались результатов, но, разумеется, не благодаря, а вопреки упрощенным марксистским схемам: такие как Юрий Левада, подпитывались идеями западной социологии, а такие как Александр Клибанов, прямо за платили за свои занятия годами сталинских лагерей⁵.

Повторяю: само желание отразить опыт российских размышлений о социальных функциях религии совершенно оправданно и уместно в словаре, написанном для тех, кто читает по-русски. Но *не* кажется мотивированным излишнее расширение списка соотечественников, внесших вклад в социологию религии. Петр Лавров, которому посвящена весьма обширная статья, при всей своей чувствительности к социологии, рассматривал ее совершенно инструментально, и сам автор Словаря находит его суждения о религии «оценочными». И уж тем более с большой натяжкой можно говорить о вкладе в социологию религии таких авторов, как Георгий Плеханов и Владимир Ульянов (Ле-

3. Смирнов М. Очерк истории по российской социологии религии. СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2008.

4. Именно Хосе, по правилам испанского чтения, а не Жозе, как в Словаре.

5. Странно, что вместо того, чтобы прямо указать этот факт в биографии Клибанова, автор Словаря прибегает к неуместно уклончивой, осторожной фразе: «Идеологические обстоятельства 1930-х — середины 1950-х годов воспрепятствовали проведению этой работы».

нин), которым М. Смирнов так же уделяет немало места — даже если в случае с Ульяновым автор Словаря, обычно сдержанный в оценках, позволяет себе упрек в «ограниченности» и «явном игнорировании достигнутого к той поре научного видения...». Зачем же здесь нужен Ульянов? Ведь в сходном духе о «социальных корнях религии» говорили и другие властители, тоже претендовавшие на роль социологов...

Некоторые имена выглядят тем более неуместными, если учесть, что некоторые важные имена *bona fide* социологов религии не нашли места в Словаре: речь идет, например, о таких современных российских ученых, как Дмитрий Фурман или Сергей Филатов, которые в свое время писали о религии на Западе, а начиная с 1990-х гг. активно работали в области исследований современной российской религиозности. (Полагаю, что Фурман сделал больше для социологии религии, чем Ульянов). Нет в Словаре и некоторых ключевых западных имен: например, отсутствует Луи Дюмон (*Dumont*), яркий представитель школы Дюркгейма-Мосса, идеи которого о холизме и иерархизме были основаны на сравнении Индии и западных обществ, в частности, их религиозных традиций. Нет в Словаре американского социолога Нэнси Аммерман (*Am-*

merman) и всей связанной с нею традиции исследований конгрегаций в Хартфордской семинарии и за ее пределами. Нет в Словаре и Рональда Инглхарта (*Inglehart*), автора концепции «постматериальных ценностей» и связанной с нею идеи «новой духовности»; вдохновителя и администратора Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey*) — попытки «замера» ценностей, в течение нескольких десятилетий, теперь уже почти в 80 странах мира, причем религиозные индикаторы занимают в этих опросах одно из ведущих мест. Не найдет читатель в Словаре и Юргена Хабермаса, притом что его работы 2000-х гг., концептуализирующие динамику религиозного плюрализма и «постсекулярности», сильно влияют на современные дискуссии о религии. Нет в Словаре и Талала Асада, много пишущего о значении и соотношении религии и секулярности. Верно, что Хабермас и Асад не «социологи религии» в узком дисциплинарном смысле; но ведь содержит Словарь, вполне оправданно, статьи о некоторых других философах и антропологах.

Но довольно о том, чего в Словаре нет; вернемся к оценке того, что в нем есть! Повторю еще раз: издание содержит огромную информацию о большинстве ведущих социологов и их вкладе,

причем основные идеи их излагаются и кратко, и ясно, и в то же время достаточно глубоко, выявляя огромную работу, которую автор провел над страницами книг и журналов; причем большинство этих социологов в русских переводах неизвестны.

Кроме большого количества персоналий, определивших историю дисциплины, автор Словаря предпринимает попытку описания основных *понятий* социологии религии. Я бы сказал, что в этой части работы он идет на еще больший риск, буквально вызывая на себя возможную критику и за интерпретацию понятий, да и за самый их отбор.

Например, такие понятия, как «харизма», «фундаментализм», «плюрализм» или «секта», — совершенно необходимые: из них, собственно, и состоит специальный язык дисциплины; и автор дает определения трезвые и точные, и если вы с чем-то не согласны, то это может быть предметным спором. Но когда автор берется за научное описание таких понятий как «вера», «верование» и «верующий»; или выстраивает серию статей о «религиозности», «религиозном сознании» и, наконец, «религии»; или пытается развести понятия «священнослужители» и «служители культа»; или дает определения «воцерковленности» или «суеверию», — в этих случаях он вступает на скользкий путь, чре-

ватый натяжками, нестрогостью, взаимопересечениями, выходом за пределы языка дисциплины и даже собственно научного языка.

По-видимому, раскрывая значение общих (неспециальных) слов, имело бы смысл, по крайней мере, привязать их к тому, как они употребляются в контексте социологии: например, говоря о «паломничестве», не ограничиться общими сведениями, которые можно найти в любом другом словаре или энциклопедии (этимология, определение как «индивидуальное и групповое путешествие к священным религиозным объектам...» и т. д.), а показать, как и кем это явление изучалось с позиций именно социологических. Некоторые статьи могут вызывать недоумение: скажем, термин «обряд» вполне уместен, но автор почему-то пытается развести этот термин по смыслу с «ритуалом», которому посвящена отдельная статья: ритуал трактуется как «упорядоченная последовательность обрядов», что в социологическом обиходе — отнюдь не обязательно. Но вот статья про «обрядовереие» — совершенно оценочное слово — уже кажется совсем неуместным в социологическом словаре. В статье о «народной религии» автор верно различает *folk religion* (также *local religion*, хотя было бы правильно также употребить и весьма популярный сейчас термин *vernacular religion*)

в противовес *popular religion*; но во-первых, народная религия почему-то определяется только как совокупность «верований» (хотя по сути она неотделима от комплекса *практик*), и во-вторых, по-видимому, следовало бы дать понять читателю русскоязычного Словаря, насколько именно русский вариант («народная религия») особенно идеологически нагружен — почти вплоть до его неупотребимости в научном дискурсе. Напротив, в статье о «нетрадиционных религиях» автор ясно и убедительно рассуждает о «неоднозначности применения» этого термина, его идеологической нагруженности, но все же не решается признать его вообще негодным для научного языка. Оставляя и анализируя подобные термины, автор, возможно, ставит перед собой некую сверхзадачу — не только представить язык *научной* дисциплины, но и деконструировать политизированную языковую среду, сложившуюся *вокруг*, в более широком публичном пространстве. Это крайне сложная задача, и ее более последовательное осуществление было бы возможно при ее ясной, осознанной постановке как части всего проекта.

В конце Словаря есть огромная, полезнейшая библиография российских, советских и западных работ (между прочим, все имена, о не-включении коих в Сло-

варь я с сожалением упомянул, присутствуют со своими работами в библиографии: эта последняя гораздо более полная, и, разумеется, было бы невозможным и ненужным поместить отдельные статьи о каждом из авторов).

Завершу рецензию тем, с чего Словарь начинается. В начале его есть краткий очерк истории дисциплины, также для удобства и внятности поделенный на западную и российскую части. Среди магистральных тем, на мой взгляд, опущено кое-что важное: например, огромная литература, посвященная в последние два десятилетия феноменально растущим пятидесятничестким и харизматическим движениям, или те же идеи в рамках концепции «постсекулярности»; доминирующая американская традиция *количественной* социологии религии, по контрасту с традицией европейской, почти не акцентирована. Однако в целом исторический очерк весьма полный и логичный. Прекрасно показана сама логика дисциплины, ее самоопределение в виде череды разграничений (и опыта самоограничения отдельных ученых): таковы отделение позитивного от нормативного, реально постигаемого от непостижимого «религиозного опыта», и так далее.

Прекрасно, по-моему, написан и заключительный раздел очерка, где автор делает общую оценку «состоянию и перспек-